
Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.:Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Учитель Людвиг Андерсен вышел на школьный огород и решил пройти погулять к дальней роще, которая, как легкое синеватое кружево, отчетливо синела на белом снегу в поле, версты за две от деревни.

День был белый, светлый. От чистого белого снега и мокрых черных жердей ограды создавалась веселая чистая пестрота, и воздух был так легкий и прозрачен, как бывает только в самом начале весны.

"Еще одна весна моей жизни!" – глубоко и легко вздохнув, подумал Людвиг Андерсен, наклонный к сентиментальной поэзии.

И, взглянув через очки на небо, он заложил руки за спину, поиграл там тростью и шагнул вперед.

И как раз в эту минуту он увидел на дороге, за изгородью в конце огорода, целую кучу людей и лошадей.

Это были солдаты. На белом снегу серели их однообразные шинели, блестели ружья и лошадиная шерсть, и видно было, как они двигались, неловко ступая по снегу своими кривыми кавалерийскими ногами. В первую минуту Людвиг Андерсен не понял, что они делают, но сразу, как-то не умом, а сердцем, почувствовал, что делают они что-то необыкновенное и страшное. И так же инстинктивно он почувствовал еще, что надо спрятаться и не попадаться им на глаза.

Поспешно, но не опуская рук, заложенных за спину, Людвиг Андерсен подвинулся влево и, сразу утонув по колени в мягком, талом, хрупком снегу, стал за невысокий стог прошлогоднего сена. Оттуда, вытянув шею, он ясно видел, что именно делали солдаты.

Их было человек двадцать и среди них один офицер, молодой, коренастый, в серой шинели, красиво перехваченной серебряной перевязью. Лицо у него было так красно, что через весь огород Людвиг Андерсен видел, как странно блестели на нем светлые торчащие усы и брови. Он что-то говорил, и голос его, резкий и отрывистый, ясно достигал ушей Людвиг Андерсена. Учитель прислушался.

– Я сам знаю, что мне делать! – кричал офицер, подбоченившись и глядя на кого-то вниз в кучке спешенных солдат. – Я вам покажу, как бунтовать... Сволочь проклятая!..

Смутная тревога сжала сердце Андерсена. "Боже мой! Неужели..." – пронеслось в его мозгу, и какой-то холод охватил его голову.

– Господин офицер, – ответил очень тихо, но внятно чей-то сдержанный голос из кучки солдат, вы не имеете никакого права... для этого есть суд... вы не судья... это будет просто убийство, а не...

– Молчать! – взмахнув белой перчаткой, крикнул офицер, и слышно было, как он захлебнулся от злости. – Я вам дам суд!.. Иванов, делай!..

Он тронул лошадь и отъехал. И Людвиг Андерсен машинально обратил внимание, как чутко и осторожно пряла ушами легко переступающая с ноги на ногу, точно танцующая, лошадь. В эту минуту между солдатами произошла короткая судорожная суетливая возня, и они раздвинулись, оставив перед собою пустое место. А на этом месте остались три человека в черном – два высокие, а один очень низенький и щуплый. Людвигу Андерсену была видна его совсем белая голова с торчащими розовыми ушами.

Он уже понял, в чем дело, что он сейчас увидит, но это было так неожиданно и ужасно, что Людвиг Андерсен думал, что он бредит.

"Так светло... хорошо... снег, поле, небо... весной пахнет... сейчас будут убивать людей... что такое?... не может быть!.." – нестройно пронеслось у него в голове, и было такое чувство, как при внезапном помешательстве, когда вдруг человек замечает, что он видит, слышит и чувствует совсем не то, что привык, что должен был бы видеть, слышать и чувствовать.

Три черных человека стояли в ряд у самой изгороди. Два близко друг к другу, третий, маленький, – немного поодаль.

– Господин офицер! – отчаянно заговорил один из них, и не видно было который. – Бог нас видит!.. Господин офицер!..